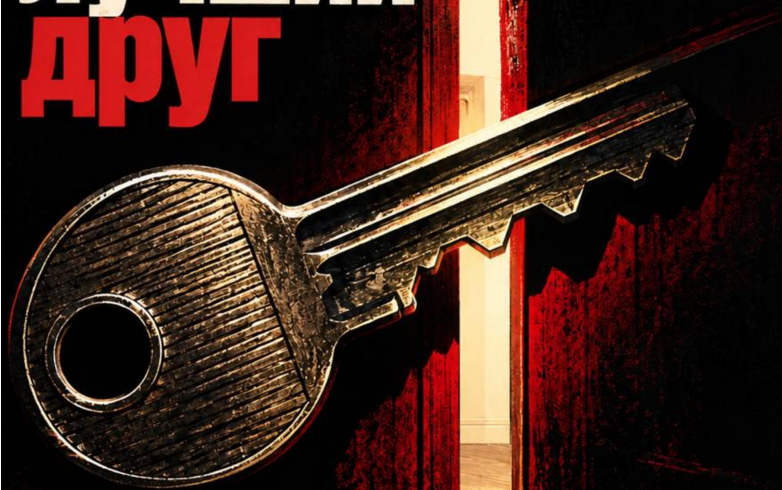

Игорь Орлав

ТВОЙ НОВЫЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ

КодМы

Психологический
триллер

Игорь Орлав

Твой новый лучший друг

<https://litres.ru/74583038>

SelfPub; 2026

Аннотация

В первую ночь после переезда сосед Вадим приносит Роману раскладушку и горячий ужин. Он помнит мелочи, разделяет его увлечение и охотно берёт на себя неприятные разговоры. Но сестра больше не приезжает, старый друг не отвечает, а новые знакомые уверены, что Роман сам отказался от встреч. Чтобы понять, кто распоряжается его жизнью, придётся проверить прошлое Вадима — и услышать собственные слова, сказанные чужим людям.

Содержание

1. Раскладушка	4
2. Масштаб	9
3. Запасной ключ	14
4. Вторник	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Орлав

Твой новый лучший друг

1. Раскладушка

Последний винт выкатился из пакета, ударился о ножку кровати и исчез в щели между досками. Роман опустился на колени. Под кроватью лежали картонная пыль, обрывок синей нитки и ещё один винт, слишком короткий. Нужного не было.

Он посветил телефоном, потом положил телефон экраном вниз. В квартире было слышно, как внизу, за открытым окном, женщина объясняет ребёнку, почему нельзя взять домой чужую собаку. Ребёнок предлагал спросить у собаки.

Матрас стоял в прихожей. Перетащить его в комнату мешала коробка с посудой; коробку нельзя было поставить на кровать, потому что кровать не держалась. Роман посмотрел на эту задачу с той же беспомощностью, с какой два часа назад смотрел на уезжавший фургон. Грузчики успели к следующему заказу. Он успел расписаться.

В тридцать восемь лет он умел нарисовать сборку шкафа так, чтобы её понял человек без словаря и отвёртки нужного размера. Сейчас на полу лежало всего четыре деревянных бруса. На бумаге он бы справился.

В дверь постучали.

На пороге стоял невысокий плотный мужчина в серой футболке. В руках у него была металлическая раскладушка, зажатая поперёк туловища, как большой поднос.

— Не закрывайте. Я сейчас боком.

Роман отступил. Мужчина протиснулся между коробкой и косяком, оглядел пол и спросил, куда можно поставить. У него было круглое, чуть покрасневшее от лестницы лицо, овальные очки и короткие редёющие волосы, серебристые у висков.

— Меня Вадим зовут. Я под вами. Видел, как заносили. У вас весь вечер что-то падает, а шагов мало. Решил, что собираете один.

Роман почему-то начал объяснять про пакет, который порвался ещё в машине.

— Утром найдётся, — сказал Вадим. — Или заменим. Спать сегодня нужно.

Он не прикоснулся к коробкам без спроса. Дождался, пока Роман выберет место, разложил кровать и нажал ладонью на середину. Пружины коротко вскрикнули.

— Дедовская. Честно предупреждаю: поворачиваться на ней лучше вместе с домом.

Роман засмеялся впервые за день.

Вадим сходил вниз за постелью. Вернулся с простынёй, подушкой, тонким одеялом и тарелкой картофеля под перевёрнутой миской. Еду поставил на подоконник, единствен-

ную свободную поверхность.

— С луком едите?

— Да. Спасибо. Я вам...

— Тарелку потом вернёте.

Больше ничего он не попросил. Даже не спросил, почему Роман переехал.

Именно этого не хватало последние недели. Любая помощь начиналась с разговора: зачем так далеко, нельзя ли было найти работу дома, что теперь будет с квартирой, где будешь на Новый год. Сестра Лида прислала список бытовых мелочей на две страницы. Егор предложил фургон знакомого, но Роман выбрал перевозчика, чтобы никому не быть обязанным. Фургон опоздал на четыре часа и увёз часть крепёжа.

Роман ел стоя, опираясь бедром на подоконник. Сосед сидел на закрытой коробке, разворачивая из упаковочной бумаги кружку.

— Осторожно, ручка треснута.

— Тогда эту на карандаши, — сказал Вадим и поставил её отдельно.

За окном горели окна дома напротив. Во дворе мужчина в белой рубашке, не снимая рабочего рюкзака, крутил велосипедное колесо. Двое подростков удерживали велосипед за седло. Роман видел весь город пока только между этими домами и успел решить, что он будет чужим долго.

— А трамвай здесь где? — спросил он.

— За булочной налево. Шум мешает?

— Нет. Я на карте видел остановку с круглой крышей. Хотел посмотреть.

Вадим поднял глаза.

— Павильон на Садовой? Его в карте закрашили коричневым. Он зелёный. Подожди.

Он достал телефон и показал фотографию маленького картонного дома. У дома была настоящая тень, крошечная водосточная труба и неровно приклеенная афиша на стене.

— Сам делал?

На «ты» они перешли незаметно. Вадим приблизил снимок. Вместо стекла в окне был кусок прозрачной упаковки, а занавеска оказалась краем чайного пакетика. Роман рассмотрел трубу, потом спросил, зачем у дома все четыре двери открываются наружу.

— А ты пробовал сделать петлю в таком размере?

— Я бы вообще не делал открывающиеся.

— Тогда как зайти?

Роман снова засмеялся. Они просидели до половины одиннадцатого, разглядывая телефон, и он показал свои дорожные зарисовки: магазин с кривым козырьком, лестницу, которая заканчивалась стеной, почтовый ящик, встроенный в слишком широкую арку. Вадим не перелистывал быстро. Спрашивал, из чего был козырёк, почему одна ступень нарисована темнее. У Романа давно никто не спрашивал про ступени.

Уходя, сосед подобрал с пола короткий винт.

— Этот от стула. Завтра разберёмся.

Перед уходом они прицепили к оконной раме занавеску: Вадим принёс несколько прищепок, пока Роман освобождал ткань из коробки. Свет в окне напротив перестал бить в лицо.

Роман закрыл дверь и прислушался к его шагам. Они остановились этажом ниже. Щёлкнул замок, потекла вода. Стены оказались тоньше, чем он думал, но впервые за вечер это его устроило.

Он написал Лиде, что доехал и всё хорошо. Потом отправил ей и Егору фотографию раскладушки. Егор ответил: «Вот что значит переехать в приличный дом. У нас бы сначала попросили паспорт раскладушки».

Роман хотел рассказать о соседе подробнее, но устал. Он выпил воду из найденного в коробке стакана, растянулся на скрипучей сетке и потянул на себя чужое чистое одеяло.

Перед сном ему пришла простая мысль: завтра здесь будет хотя бы один человек, с которым можно поздороваться не как с незнакомым.

2. Масштаб

У павильона была не круглая, а восьмиугольная крыша. Роман обошёл его дважды, пересчитал грани и объявил, что на карте обманули обоих.

— Карта маленькая, — возразил Вадим. — Не придирайся к человеку, который её красил.

Они фотографировали остановку в воскресенье утром. Кровать уже стояла, найденный в магазине крепёж лежал в треснутой кружке с запасом. Раскладушку Роман сложил, но Вадим предложил пока оставить: вдруг кто-то приедет.

Вадим принимал заказы в мастерской вывесок за рынком. Два дня в неделю проводил там, в остальные разбирал заявки дома. Миниатюры делал из обрезков. Роман рисовал для мебельного производства схемы и небольшие каталоги; в понедельник ему предстояло впервые прийти в новую мастерскую. До переезда они общались по видео, и он помнил лишь рыжую кошку на чьём-то подоконнике и девушку Машу, которая однажды спросила, почему на рисунке у сборщика три руки.

— У него высокая производительность, — ответил тогда Роман.

Девушка переслала картинку начальнику с подписью «Нам нужен такой сотрудник». Романа взяли с двумя руками.

Возле павильона они решили сделать его модель. Роман предложил нарисовать афиши и полосатое сиденье, Вадим взял на себя каркас. Спорили только о размере. На ладони не получалось показать железную решётку под крышей. На большой подставке не оставалось места в квартире.

— Поставим у твоего окна, — сказал Вадим. — Там свет хороший.

— А работать я где буду?

— У тебя подоконник во всю стену. Тебе ещё на два домика хватит.

Он произнёс это так буднично, что место оказалось выбрано. Роман и сам хотел видеть павильон, когда отрывался от экрана.

На обратном пути они купили хлеб и груши. Вадим помнил, что чай Роман пьёт без сахара. Он запомнил и другое: у Романа ныли от тяжёлого рюкзака плечи, тот не любил разговаривать, пока режет бумагу, и складывал линейки слева, хотя был правой. Все эти мелочи сосед замечал без торжества, будто так и полагалось.

За обедом Роман рассказал, как перед отъездом Лида три раза перепроверила, взял ли он договор аренды. Даже попросила прислать фото.

— Ты прислал?

— Ну да. Проще же.

— Тебе тридцать восемь.

— Ей сорок два. Она давно старше и никак не может оста-

новиться.

Вадим улыбнулся, но не стал шутить про сестру. Роману понравилось, что он не подхватывает чужие жалобы для развлечения.

После обеда они сняли с подоконника коробки, придвинули к окну маленький хозяйский стол и разложили инструменты. Сначала работали каждый над своим. Потом Роман держал угол, а Вадим пытался соединить две детали крыши. Клей не схватывался, палец соскальзывал, и Вадим наконец выругался на павильон совершенно безобидным словом: «Кондитерская».

— Почему кондитерская?

— Потому что начинали остановку, а выходит торт.

Роман нарисовал в крошечном окошке продавщицу с огромной ложкой. Вадим увидел, запрокинул голову и долго беззвучно смеялся. У него запотели очки. Он снял их, и круглое лицо стало моложе, немного растеряннее.

В тот день Роман узнал, что Вадиму сорок пять, что в квартире под ним раньше жил младший брат с семьёй и что после их переезда осталось много вещей, которые неудобно отправлять. В том числе раскладушка. О брате Вадим говорил спокойно, но на вопрос, часто ли они видятся, ответил не сразу.

— У них там всё своё. Школа, друзья. Влезать не хочется.

— Ты же не влезаешь.

Вадим положил очки на стол.

— Приезжаешь — они перестраивают планы. Сидят с тобой. Потом благодарят за то, что приехал. И ты уезжаешь.

Роман не нашёл, что сказать. Он сам в последние месяцы часто благодарил людей именно таким голосом: спасибо, что пришёл, теперь можно снова заниматься делом. Он подвинул соседу груши.

К вечеру две грани крыши всё-таки держались. Они встали у окна, чтобы посмотреть на них против света. Снаружи на перекрёстке сменился сигнал, и через просвет между домами поплыл трамвай — светлые прямоугольники окон, красный борт, чёрная складка гармошки.

Роман стоял слева, в узком месте между рабочим столом и откосом. Вадим придвинулся ближе, вытянул руку с крыши и опёрся второй ладонью о стол. Его локоть оказался перед Романом. Чтобы увидеть трамвай целиком, пришлось отступить.

— Смотри сюда, — сказал Вадим. — Видишь? Край ровный.

Роман посмотрел на край. Трамвай ушёл.

Позже, складывая ножи в коробку, он вспомнил, что в понедельник после работы его пригласили в кафе. Маша написала адрес и добавила: «Сначала поедим, потом покажем короткую дорогу домой. Она длиннее обычной, но интереснее».

— Завтра у вас знакомство? — спросил Вадим, прочитав радостное выражение его лица.

Роман рассказал про кафе.

— Хорошо. А я хотел приготовить тебе нормальный ужин после первого дня. Но не вопрос.

— Не надо, я там поем.

— Я уже купил. Можно и послезавтра.

Сказано было без нажима. Роман ещё не знал, в каком часу освободится, как будет чувствовать себя среди новых людей, захочется ли ему говорить о работе после работы. Здесь всё уже получалось просто. Они доделают крышу, доедят груши. Сосед не будет спрашивать, оправдались ли ожидания.

— Я ненадолго к ним зайду, — решил Роман. — Потом домой.

Вадим кивнул и убрал в коробку маленькую нарисованную продавщицу, хотя для настоящего павильона она уже не подходила.

3. Запасной ключ

Маша оказалась ниже, чем выглядела на экране. Рыжая кошка принадлежала не ей, а начальнику производства, и к приезду Романа успела родить котят. В мастерской пахло деревом, картоном и разогретой едой. Никто не потребовал от нового сотрудника немедленно стать своим.

Роман получил стол возле шкафа с образцами и первую задачу: переделать инструкцию к узкому стеллажу. Покупатели путали две похожие полки. Маша принесла детали, сама собрала их неправильно и предложила рисовать прямо с неё.

— Теперь я понимаю, зачем вам понадобилась третья рука, — сказал он.

— Мы здесь выросли профессионально. Теперь не хватает четвёртой.

К концу дня он почти перестал думать, как выглядит со стороны. Заказал в кафе суп, выслушал рассказ о начальнике, который потерял собственный макет в собственном автомобиле, и успел объяснить, что любит рисовать старые городские постройки.

— Тогда тебе в котельную, — сказала Маша.

Роман поднял голову.

— Она бывшая. Там теперь зал, иногда выставки. Мы на октябрь собираем маленькую: что люди замечают по дороге домой. Фотографии, рисунки, всякое. Хочешь?

— Я только переехал.

— Тем лучше. Нам уже всё привычное.

Он хотел расспросить, но телефон завибрировал. Вадим прислал снимок двух тарелок на столе. Подписи не было.

Роман посмотрел на свой недоеденный суп.

— Меня дома ждут, — сказал он.

Маша подвинулась, пропуская. Никакого разочарования в её лице не было; от этого уходить оказалось ещё легче. Он объяснил себе, что успеет познакомиться позже.

Дома ужин был уже остывший. Вадим извинился, что начал рано. Роман извинился, что задержался. Они разогрели еду и говорили о первой инструкции, а приглашение в котельную Роман вспомнил только перед сном. В телефоне осталась Машина фраза: «Дам контакт Веры, она заведует залом».

Через три дня должен был приехать письменный стол. Роман заказал его заранее, но доставка предлагала промежуток с двенадцати до пяти. Отпрашиваться в первую рабочую неделю не хотелось.

— Я в четверг дома, — сказал Вадим. — Приму.

Ключ был второй из двух, которые выдала хозяйка. Марфа Павловна сама говорила, что запасной лучше кому-нибудь оставить. Роман повертел его на ладони, спросил, точно ли это не помешает, и отдал соседу.

Ночью он написал Вадиму номер заказа. Утром — время звонка водителя. В обед пришла фотография коробки, уже

занесённой в комнату. Всё прошло настолько хорошо, что вечером Роман купил дорогой пирог, который не собирался покупать.

Стол они собрали вдвоём и поставили к окну. Маленький хозяйский вернули на кухню. На этот раз ни одна деталь не потерялась. Роман подал короткую перемычку, Вадим держал боковину, и оба одновременно сказали: «Не эту».

— Вот кого надо было брать в инструкции, — сказал Роман.

После пирога он спросил про ключ.

— В кармане другой куртки. Сейчас схожу.

— Да потом. Всё равно завтра привезут лампу.

Так ключ остался ещё на день, а лампу курьер передал самому Роману на улице. Об этом он забыл сказать. К воскресенью ключ перестал быть вещью, которую нужно вернуть, и стал удобством, которым можно пользоваться.

Вадим приносил хлеб, когда шёл из магазина. Однажды зашёл до прихода Романа и закрыл окно: начинался дождь, на столе лежали рисунки. Он сфотографировал окно и отправил сообщение, чтобы не было неожиданности. Роман ответил благодарностью.

На следующей неделе его встретила вымытая посуда.

— Не надо было, — сказал он.

— Мне три тарелки не трудно.

На крючке у двери появилась Вадимова ветровка. В ней лежал ключ. Роман знал это, но всякий раз, проходя мимо,

находил причину взять его позже: сосед ещё зайдёт, они понесут макет вниз, нужно будет открыть, когда у него заняты руки.

Лида позвонила в субботу. Она хотела приехать в конце месяца на две ночи, посмотреть город и заодно привезти оставшиеся книги. Роман сказал, что будет рад, и сразу начал прикидывать, где поставить раскладушку.

— А твой помощник всё ещё у тебя? — спросила она.

— Вадим. Он живёт снизу.

— Я помню. Ты в каждом разговоре говоришь «мы».

— Потому что мы делаем одну вещь.

— Я ничего плохого не сказала.

Он услышал в её голосе знакомую обиду на собственную тревогу и раздражённо закончил разговор. Вадим, вырезавший у окна крошечные стойки, не поднял головы.

— Сестра?

Роман кивнул.

— Приедет проверять, как я тут устроился.

— Может, просто соскучилась.

Это было так справедливо, что Роману стало стыдно. Он рассказал о книгах, о двух ночах, о прогулке. Вадим отложил нож.

— Только двадцать шестого у нас крыша должна быть готова. Я уже взял лист на основу.

— Ну, успеем до.

— Конечно.

Вадим сказал это легко, но убрал недоделанную стойку в коробку и засобирался. Роман предложил ещё чаю. Сосед отказался: раз приедут гости, надо поторопиться со своей работой, чтобы никому не мешать.

После его ухода Роман открыл переписку с Лидой. Написал, что конец месяца неудобен, и предложил октябрь, не назвав выходных. Сестра ответила вопросом: «Что изменилось за десять минут?»

Он не захотел объяснять про стойки. Написал: «Я сам разберусь со своим временем».

Впервые за день ему показалось, что он поступил самостоятельно.

4. Вторник

К середине сентября пошли дожди. Роман трижды приходил домой с мокрыми рукавами, потому что забывал зонт на работе. На третий раз Вадим повесил над дверной ручкой записку: «Зонт живёт здесь».

Роман сфотографировал её для Маши. Она прислала в ответ снимок мастерской: зонтов там было четыре, и один действительно принадлежал ему. Он рассмеялся, показал переписку Вадиму и предложил позвать Машу посмотреть павильон.

— Прямо домой?

— Ну да. Она тоже рисует.

— Конечно, зови. Только лучше, когда доделаем. Я не умею показывать наполовину.

Роман согласился. Вадим протянул ему кисть, и вечер продолжился.

Они уже встречались почти каждый день, хотя постоянным был объявлен только вторник. Его выбрал сам Роман: по понедельникам он уставал, по средам задерживался на работе. Вторник подходил обоим. Вадим готовил ужин, Роман мыл посуду, потом они возились с моделью. У Романа появилось место в чужом расписании, и он обнаружил, насколько сильно в нём нуждался.

Когда Маша предложила после работы зайти в котельную,

он посмотрел на число.

— Во вторник не могу.

— В четверг?

В четверг Вадим должен был забрать краску и зайти показать. Роман ответил, что уточнит, и ему тут же стало неловко за это слово. Уточнять было нечего. Он мог посмотреть краску в любой день.

Пойти всё-таки договорились в пятницу. Вадим тоже захотел посмотреть зал. Он сам раньше участвовал в маленьких местных выставках, только давно, с приятелем Антоном. Теперь Антон уехал, а одному собирать столы и дежурить у входа неинтересно.

— Далеко уехал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.